

Б. П. Полевой

**НЕОПУБЛИКОВАННОЕ СОЧИНЕНИЕ О. АРГУНОВА
О СЕВЕРНЫХ АЙНАХ**

**[К 250-летию начала камчатских
исследований С. П. Крашенинникова]**

Академик В. И. Вернадский годом «начала самостоятельной исследовательской научной работы русского общества» считал 1737 г. И связывал он это с двумя событиями: первыми исследованиями С. П. Крашенинникова «в безлюдьи Камчатки в ее девственной природе» и М. В. Ломоносова — в Марбурге¹.

История научных изысканий С. П. Крашенинникова на Камчатке теперь уже хорошо известна благодаря трудам А. И. Андреева, Л. С. Берга, Н. Н. Степанова и др.² Но есть все же один аспект его деятельности, который пока еще изучен недостаточно: именно на Камчатке впервые обнаружилось его умение успешно передавать свои знания и опыт ученикам. Позже (в 1750 г.) этот его дар позволил ему стать даже ректором академического университета и гимназии³. Но тогда, в 1737—1741 гг., его педагогический талант еще только начинал раскрываться.

В 1737 г., 250 лет назад, одним из первых учеников С. П. Крашенинникова, заслуживающим, на наш взгляд, особого внимания, стал Осип Аргунов. Лучше всего об успехах этого обучения можно судить по сочинениям самого Аргунова.

Мне уже пришлось писать о том, что Осип Аргунов по возвращении с Курильских островов осенью 1741 г. составил два ценных сочинения⁴: «Описание пути от устья Большой реки до Курильской Лопатки и оттуда до Первого, вокруг Второго и возвратно вокруг же Первого островов Курильских подле морской берег водным путем, впадающим рекам и речкам» и рассматриваемое в настоящей статье «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении». Найдены были эти сочинения полвека назад выдающимся советским историком А. И. Андреевым⁵, однако до сих пор они оставались неизученными. Теперь, когда в нашей стране и за рубежом заметно возрос интерес к историческому прошлому айнов, а источники сведений о нем почти исчерпаны, работы Аргунова приобретают особое значение для науки.

Но прежде несколько слов об их авторе.

До поездки на Камчатку Осип Аргунов служил в Якутской воеводской канцелярии. Он был прямым потомком знаменитых сибирских Ар-

¹ Вернадский В. И. Первые годы Академии наук//Природа. 1973. № 9. С. 63.

² Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II. XVIII век (первая половина). Л., 1965. С. 176—198; Советский север. 1939. № 2 (Сборник статей, посвященных памяти С. П. Крашенинникова, к 225-летию со дня рождения); Вводная статья и комментарии к кн. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (М.; Л., 1949).

³ Андреев А. И. Указ. раб. С. 207.

⁴ См. Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Л., 1982. С. 79—80.

⁵ Андреев А. И. Указ. раб. С. 25. Оба сочинения хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР: Ф. 3. Оп. 1. Д. 800а. Далее при ссылках на интересующее нас сочинение («Описание на Первом острове живущих курилов...») в тексте в скобках указывается лист дела.

гуновых, которые вели свой род от Савелия Аргунова, участника основания «златокипящей» Мангазеи⁶. Сын Савелия — Лазарь был первым из Аргуновых, поселившихся в Якутске еще в 1637 г.⁷ Первым он основал и русские зимовья на Индигирке — Зашиверское и Уядинское⁸. Позже на Лену пришли томские Аргуновы — Максим и его сын Степан⁹. В якутских документах XVII в. также упоминаются Аргуновы — Евсей, Емельян, Иван и др.¹⁰ Почти все Аргуновы были грамотными, поэтому не случайно их потомок Осип стал служить в Якутске в качестве «пищика». В 1736—1737 гг. он по распоряжению якутского начальства помогал акад. Г. Ф. Миллеру переписывать различные документы «Якутской архивы». Тогда-то, 6 июля 1737 г., Г. Ф. Миллер и добился прикомандирования Осипа Аргунова в помощь студенту Степану Крашенинникову, уезжавшему на Камчатку. Уже на пути в Охотск Крашенинников поручал Аргунову вести различные наблюдения и записи. Впоследствии Аргунов отмечал: был «безотлучно» до 1740 г. «у письменных работ и при метеорологических наблюдениях» (л. 35). Действительно, значительная часть писем и «репортов» С. П. Крашенинникова написана рукой Осипа Аргунова. Часто Аргунов участвовал в сборе растений для гербария, добывал различных животных, из которых делались чучела, помогал С. П. Крашенинникову составлять «вокабулярии» — списки слов местных народов. И, наконец, он и сам (по образцам работ С. П. Крашенинникова, которые нередко копировал) стал составлять различные географические и этнографические описания.

28 октября 1740 г. Осип Аргунов был откомандирован в распоряжение Г. В. Стеллера, для которого выполнял аналогичные поручения.

В апреле 1741 г. Витус Беринг и Георг Стеллер, находившиеся тогда в Авачинской губе в Петропавловской гавани, поручили Аргунову, пока они будут плавать к берегам Америки, «быть на Курильских островах» и заниматься «описанием оных островов и обычаев тамошних иноземцов» (л. 35). Он должен был также руководить сборанием трав и «из моря выброшенных вещей» (там же).

24 апреля 1741 г. Осип Аргунов с казаком Слободчиковым вышли на байдарах из Большерецка и, достигнув моря, пошли на юг вдоль западного побережья Камчатки. 4 мая они дошли до «жилья курильца Якова Темты» (л. 3)¹¹, где встретились со сборщиком ясака на Курильских островах — Эверестовым. Вместе с ним и еще двумя гребцами они продолжили путешествие на юг, 22 мая пришли к тому месту, «откуда переезжают с Лопатки на Первый остров» и «где имеется поставленный крест сборщиком Отласовым» (л. 3). До сих пор мы ничего не знали о существовании такого креста вблизи мыса Лопатка.

26 мая Осип Аргунов и его спутники переплыли Первый Курильский пролив между мысом Лопатка и о-вом Шумшу и поселились в зимовье тойона Купени. Здесь Аргунов проводил свои зоологические и ботанические сборы, успел даже сделать чучело головы сивуча, птицы «кыгунгыч» и рыбы «тирпуг» (тирпуг — рыба из сем. Hexagrammidae).

После подробного осмотра берегов Шумшу и местных поселений он 7 июня переплыл на о-в Парамушир, где также осуществлял естественно-научные сборы и «наблюдал» жизнь аборигенов. К 11 июня Аргунов

⁶ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов. Л.; М., 1952 (далее — РМ). С. 252—253.

⁷ Центральный гос. архив древних актов. Ф. Сибирского приказа. Ст. 762. Л. 27—34. Челобитная Лазаря Аргунова с росписью его служб.

⁸ Там же.

⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке. Сб. док. М., 1951 (далее — ОРЗ). С. 497, 498, 500, 519—523, 534—536.

¹⁰ О Евсее//РМ. С. 338; о Емельяне//ОРЗ. С. 34; О Иване//ОРЗ. С. 525, 534—537.

¹¹ Местоположение этого поселения точно указывает С. П. Крашенинников. Он писал: «От Камбальной в версте течет речка Чиуспит, от ней верстах в трех Изиаумпит, а оттуда в трех же верстах Чуйчумпит, над которою стоит острог Темты курильца»// См. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 140 (далее ссылки на работу С. П. Крашенинникова даются в тексте только по этому, безусловно, наиболее удачному изданию).

и его спутники дошли «на дальнюю изголовь Второго острова, где имеется жильё», т. е. на южную оконечность Парамушира. Здесь он пробыл до 17 июня.

23 июня Аргунов вернулся на мыс Лопатка, а 1 августа — в Большерецк и стал ждать возвращения Георга Стеллера, однако встреча с последним тогда не состоялась. Как известно, Стеллер и его спутники провели трагическую зимовку 1741—1742 гг. на о-ве Беринга (Командорские острова). На время отсутствия Стеллера Мартин Шпанберг приказал 18 февраля 1742 г. Осипу Аргунову присоединиться к геодезисту П. Скобелцину, которому было поручено составление новых карт Камчатки. Поэтому Аргунов смог встретиться с Георгом Стеллером только осенью 1742 г. Тогда он отчитался перед ним о проделанной на Курильских островах работе. В официальном рапорте Стеллеру он писал, что данное ему задание выполнил и на островах «сколько мог наблюдать тамошних иноземцев в их обычаях и поведении и чрез их сколько мог уведомился» и составил «особливое описание» (л. 3 об). Это сочинение из всех написанных О. Аргуновым — самое полное. В нем Осип Аргунов очень детально (чувствуется школа С. П. Крашенинникова) описывает «иноземцев» — быт, обычаи, нравы, верования, методы воспитания детей и лечение болезней, показывает значение контактов с русскими и многое другое — словом все, что для нас представляет теперь немалую научную ценность. Мы позволим себе широко цитировать здесь это сочинение, ибо для этнографа подлинные формулировки источника несомненно важнее, чем их пересказ.

Сочинение Аргунова не утратило значения для современных исследователей. Прежде всего оно позволяет дать вполне определенный ответ на вопрос, который волнует историков, этнографов, филологов: кем же были «курилы» южной оконечности Камчатки — островов Шумшу и Парамушир?

В «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинников писал: «Жители сего острова (Шумшу)... как жители Курильской лопатки не прямые курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых бывших между ними несогласий, особливо же по вступлении в сию землю российских людей, отделились от прочих и поселились на острове и на Лопатке. А курильцами прозваны они по жителям Второго острова, с которыми они вступили в средство чрез взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменились: ибо дети, рожденные от родителей различных оных наций, и собою виднее, и волосом чернее, и телом мохнаты» (с. 166).

Основываясь на этом высказывании С. П. Крашенинникова, часть исследователей стала безоговорочно считать «курилов» южной Камчатки и двух северных Курильских островов ительменами. И. И. Огрызко пытался это подтвердить анализом собственных имен жителей Парамушира¹², а некоторые археологи — данными полевых исследований. Особенно большое внимание айнской проблеме уделила археолог Т. М. Дикова, поставившая ряд принципиальных вопросов, требующих скорейшего разрешения. Первый из них: «были ли вообще на южной Камчатке айны? Далее: если были, то когда и на место какого народа они пришли сюда? И если пришли на место какого-то народа, то какой была их роль в этнических процессах? И, наконец, как и где на Камчатке проходила северная граница айнов и если не их, то культуры с айнскими элементами?»¹³. В результате многолетних исследований Т. М. Дикова заключила: «Нет основания говорить о границе обитания айнов на юге Камчатки. Лучше поставить вопрос о границе их влияния»¹⁴.

Иной точки зрения придерживался Л. С. Берг: «Курилы, жившие на юге Камчатки, — утверждал он, — это айны, смешавшиеся с камчада-

¹² Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.). Л., 1973. С. 29.

¹³ Дикова Т. М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 167.

лами»¹⁵. По мнению же Б. О. Долгих, блестящего знатока сибирских документов XVII в., «курильцев» южной Камчатки и о-ва Шумшу «правильнее считать... айнами, а не камчадалами»¹⁶.

Сочинение Осипа Аргунова ценно, в частности, и тем, что поможет, как нам представляется, разрешить этот затянувшийся спор. Оно ясно показывает, что «курилами» русские в конце XVII — начале XVIII в. называли как «чистых» айнов, так и айнов-ительменов, своим внешним видом более похожих на айнов, чем на ительменов. Употребление этнонима «курилы» было вполне правомерным, ибо этноним этот происходит от айнского *кур* — «человек, люди». Но при этом Аргунов отметил, что в связи с широким переселением ительменов на юг, в «Курильскую землю» — южную оконечность Камчатки и о-в Шумшу, там происходило вытеснение айнского языка ительменским.

Еще в недавнем прошлом камчадалы-ительмены и курильцы-айны, — писал Аргунов, — «языком разны были, а ныне... молодые ребята кроме стариков курильского языка и не знают и говорят языком па Лопатке живущих камчадалов, а приходящие с дальних островов и все тамо живущие один курильский язык имеют, а до скольких островов живущим оной их язык служит, того допроситься у них не можно» (л. 17).

Столь определенного свидетельства о языковой ситуации в интересующем нас регионе исследователи еще не имели.

Известный японский филолог Мураяма Ситиро доказывал, что на юге Камчатки и на Шумшу существует ряд географических названий айнского происхождения¹⁷ (таковым он вслед за Л. С. Бергом считал, например, название *Явина* — «долина»)¹⁸. Некоторым советским исследователям аргументация Мураямы представляется неубедительной. Но Аргунов в своем сочинении приводит немало различных топонимов явно айнского происхождения. В их числе реки Чипутпит, Питпут, Инонупит. Таямпит, две речки Нивучи-пит и др. (айнское *пит* — «речка»), острова Ут-Умусир, Чиромсир, Кутан-Умусир, Чиромусир, Кутан-Умусир и Пан-Умусир (айнское *мусир*, *мосир*, *мошири* — «остров»). Говорит он и о большом черном бугре, который по-айнски назывался Жит-Йоки — «звезда-камень», и поясняет: «В прежние годы слетела де звезда с неба и превратилась в камень» (л. 9). Не исключено, что это действительно был крупный метеорит, а может быть, крупный камень, выброшенный при извержении вулкана. Безусловно айнского происхождения и названия упомянутых Аргуновым рек (Аукурачка, Ашиноуши) и урочищ (Шкан-кип и Муерпу, позже оно стало называться Майрупо¹⁹).

Встречаясь с курилами Шумшу и Парамушира, Осип Аргунов смог существенно пополнить «курильский вокабулярий» С. П. Крашенинникова (с. 470—472). Так, именно Аргунов первым из русских смог записать айнские названия времен года: *чюкан* — «осень», *мати* — «зима», *паикарап* — «весна», *сакъкан* — «лето». То, что это действительно были айнские слова, подтверждают айнские словари Дж. Бечелора и Сиро Хаттори²⁰. По данным Бечелора, по-айнски «осень» — *chuk*, *chuk-an*, *chuk-pa*; «зима» — *mata*, *mata-pa*; «весна» — *paikara*, *pekere*; «лето» — *sak*, *sakra*, *sak pura*.

Аргунов первым привел айнские названия девяти месяцев (л. 18 об): *мусикар-чюп* — «октябрь», *сизикач* — «ноябрь», *нохто* — «декабрь», *кит-*

¹⁵ *Берг Л. С.* Открытие Камчатки Владимиром Атласовым // *Берг Л. С.* Изб. труды. Т. 1. М., 1956. С. 325.

¹⁶ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // *Тр. Ин-та этнографии АН СССР*. Т. 55. М., 1960. С. 573.

¹⁷ *Murayama S.* Ainu in Kamchatka (на яп. яз.) // *Bul. Faculty Literat. Kyushu University*. Fukuoka, 1968. № 12. P. 55—57.

¹⁸ *Берг Л. С.* Указ. раб. С. 325.

¹⁹ Об этом селении подробнее см.: *Римский-Корсаков В. А.* Балтика — Амур. Хабаровск, 1982. С. 192, 353, 359—360.

²⁰ *Batchelor J.* An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1926. 19+138+556+98p.; *Hattori Shiro.* An Ainu Dialect Dictionary. Tokyo, 1964.

га — «январь», *атьту* — «февраль», *унь-ни* — «март», *госахочю* — «апрель», *тавычю* — «май», *кохицю* — «июнь». При этом он пояснял:

«Разделение дней в часы не знают и рождение месяцев не числят, только числят, когда его на небе увидят, то именами различают» (там же).

Записал Аргунов и айнские названия некоторых звезд, например звезды *чинукер* — «лось». При появлении на линии горизонта звезды *кичич* там были видны также *унунучинукер* — шесть звезд по три в ряд. Одну из звезд курилы именовали *паусеньнит*. А зорницы назывались ими *исат-саватип* (л. 20).

Аргунов был первым, кто собрал сведения об айнских румбах. Вот эти данные: *уяумпи* — S, *окитай-туумпи* — SW, *сианьрюка* — W, *очип-каумороки* — NW, *оатуаромпи* — N, *ромату* — NO, *усираил-пи* — O, *урипуас-пукуллу* — SO (л. 20).

Впервые Аргуновым были записаны айнские бранные слова с их подлинным значением.

Итак, из приведенных материалов вполне очевидно, что курилы южной части Камчатки и о-ва Шумшу были айнами, которые смешались с ительменами и во многом усвоили их культуру.

Заслужой Осипа Аргунова было и то, что он попытался определить основные различия во внешнем виде айнов-курилов и ительменов-камчадалов. Он писал:

«Курильцы возрастом (ростом.— Б. П.) средние, а больше что малыс, а очень дебелих мало в них находится, но больше сухощавые и членами опые гораздо крепче камчадалов. Лица больше что круглы и широки, носы негораздо высокие, но короткие, щеки толсты, рот велик, толстые губы, зубы белые, велики и широки, бороды и ус густы, широки и черные, волосы на голове густы, недолги, жестки и черны, а кудреватых очень мало находится, волосы на тайном у мужчин и женщин есть. А таких людей, которых б волосы на голове были пегие кроме седины не имется. Кожа на теле жестка и смугла и больше таких что очень черны и по большей части мохнаты, а именно на грудях, на руках, на ногах, на спине и на крыльцах (лошатках.— Б. П.), почти и на всем теле. Особенно случалось видеть на Втором курильском острове мужика, который называется Рупускур Ауонаго мужик: на груди и на крыльцах было шерсти дюйма на полтора» (л. 20 об.).

Курилов островов Шумшу и Парамушира Осип Аргунов характеризует так:

«Волосы прежде сего мужики только [с] уха на ухо до полголовы выстрегали, так и ныне вновь приходящие все так выстрегают, а здесь у живущих мало находится кто б волосов не стриг, а ныне есть и мужики — плетут по две косы, а прежде сего мало и чесовались только когда склонится, то чесали гребнями, сделанными из китовой кости о трех или о четырех зубах, а бород и ныне не стрегут и не бреют, а женщины прежде сего волосы на многие косы расплетали также и чужие волосы к своим преплетали подобно как и у камчадалов, но ныне очень мало, которая такне большие волосы носила, только часто чешутся и плетут на две косы.

Мужчины прямо носа верхнюю и нижнюю губу чернят, а женщины верхнюю и нижнюю губы вовсе чернят, также и руки по локоть натирают разные манеров фигуры — ныне кругами, а ныне на подобие неводным ячеям — также и на перстах ряда по три и по четыре, подобно будто надетым кольцам и оно натирают таким способом: вывостря камень изчерчивают кожу на теле часто и легко и натирают берестяной или травяною сажею вышеописанным изчерченным язвам и от того почернев зарастает, но ныне оно почти из обычаев выходит, что молодые ребята того не делают.

Зимнее и летнее платье как у мужчин, так и у женщин одинакое — парки и кулянки собачьи, нерпичьи и бобровые, также делаются парки из птичьих кож, а именно из перьев сих птиц арьру, мычагаткиных, урильских, курукуруку, кавишучьих²¹, чаячьих,

²¹ *Ары-кайры* — *Uria lomvia arga* (Pallas). Мычагатки, по данным С. П. Крашенинникова (с. 330), ительменское название птиц *игылы* (охотское наименование); по-русски это *топорки* — *Lunda cirrata* (Pallas); подробнее см.: Крашенинников С. П. С. 311.

которые и глупыши называются, также из орловых, штаны и торбасы у мужчин и у женщин и все платье делается тем же образом, как и на Лопатке живущих курилов» (л. 23). «Украшение бисерное, привесы медные и оловянные имеют».

В целом Аргунов весьма благожелательно отзывался о северных курилах.

«Курила,— отмечал он,— больше склоны к правдивости, а лукавства, обманства, воровства очень редко находится. Только иные многие, забрався в долги позаочно, забираются. Также изрядно случается, что и в очи от долгу отпираются. В храбрости прежде сего между собою против камчадалов гораздо лутче. Также и не боязлив в морском ходу. Гордость великую и хвастовство немалое между собою имеют, упрямство, гнев и злопамятство у них есть. В голоду терпеливы, а искусство никакого не имеют. В трудолюбии быв не очень больше, чем в лености, в объядении жизнь свою препровождают, а пьяства у них никакого не бывает, бережливости ни в корму, ни в платье не имеют...» (л. 21).

Сопоставляя образ жизни айнов северных Курильских островов и айнов южной Камчатки, Аргунов писал:

«Кушанье и обыкность в курении табаку и в прочем сходны с живущими на Лопатке курилами. Только на собаках ездить обыкновенсия не имеют, кроме водяным путем на байдарах, а пешим ходом носят ноши — надевают лямку на голову по пуду и слишком мужики и бабы, а собак имеют промышленные: когда бывают привалы, то отпускают собаку, которая останавливает бобра и лает — потому и хозяин соскакивает с байдары, которых курильцы из всякого паюсного лесу тем же манером, как и на Лопатке строят, а лыж подволошных не имеют,— только делают лапки для ходу на привальных льдах» (л. 23).

Довольно подробно характеризует Аргунов морские промыслы айнов и заготовку провизии впрок.

За морским зверем (каланами, сивучами, котиками, нерпой и др.) курилы, пишет он, «гоняют в байдарах по морю, колят носками и на каменьях и сетью в капустах, а стрелы намазывают изтолча мелко и розмоча густо в пресной воде или слюною сухой корень травы лютика, и от оной язвы через сутки и скорее умирает, а потом и выкидывает, где попало, и оной выкинутой сивуч, кто бы не наш[ел], тот и режет, но по стреле, которая в нем найдется, познают хозяина, а мясо делят по частям также и поваря все сходятся мужики и бабы до малово роблонка, а хотя кто и не придет, то посылают к ним в домы их часть, а жир топят или изрезав в куски кладут в брюшины сивучи и то называются «пузыри». Также и нерп колот и жир в таких же пузырях кладется, а ежели случится быть выкинутым киту, то жир его изтопят или изрезав в куски хранят — и на все вышесказанные промыслы ходят мужики с женами и с робятами, только лишь бы кто мог грести в байдаре, а луки и стрелы делаются и вместе колчан, также носки и копы и прочие снасти, которыми промышленяют во всем одинакие на Лопатке с живущими мужиками, а рыбу промышленяют в речках с детьми, которой промысел начинается в последних числах июня, продолжается только до половины августа, а рыба ими промышленна бывает красная, кайко, горбуша и голецы, из оной рыбы делают парсу (*порса* — рыба мука.— *Б. П.*). Осенью берут ягоды шикшу, бруснику, голубель, морошку и княженицу и сланцовые орехи. Из оных ягод шикшу с морошкой смешав, а бруснику и голубель особливо варят и простудя вливают в пузырь и в большие корыта, а орехи кладут в травяные мешки, а корни травы мытто чакыч, также морской капусты нарвут и ноуру на суше запасают в зиму и оное коренье и капусту изкроша варят з жиром и за лутчее кушанье почитают» (л. 23 об.).

Под «травой мытто чакыч», видимо, подразумевается митуй корень. О нем Г. В. Стеллер писал: «*Mitui kogen*, по словам курилов, растет на

Урилы — краснолицые бакланы: *Phalacrocorax uril* (Gmelin). *Курукуруки* — большие конюги — *Aethia cristatella*. Какая птица здесь названа *кавиш*, пока установить не удалось.

Первом острове: это *Radix Hedysari flore albo*, который по-якутски называется *Sagdana* и около Верхоянска употребляется в пищу»²². Нечто подобное читаем и у С. П. Крашенинникова (с. 235—236): «Митуй корень, которой родится на первом Курильском острове и по-якутски зардана называется, топится у курил в рыбьем или тюленьем жиру и почитается за приятнейшую пищу». По мнению Л. С. Берга, митуй корень и якутская зардана — два совершенно различных растения (см. комментарий к работе С. П. Крашенинникова, с. 235).

В научной литературе часто указывалось, что в экономике айнов большую роль играла торговля орлиными перьями. В сочинении Аргунова по существу впервые описывается айнский орлиный промысел.

«У них же курилов.— пишет он,— имеются кормленные орлы, у каждого — почти по два, по три и по четыре, которые по осеням приманивают орлов. Зделав маленький травяной шалаш, на верху того шалаша привязывают орла или два, и дав им рыбу или что, а сам караулит, сидя в шалаше, и когда оные кормленные орлы едят данной корм и кричат, то на тот крик прилетают дикие орлы и садятся на тот же шалаш. Один мужик сквозь зделанную на верху шалашика скважину просовывает руку и изымав за ноги утаскивает в шалаш и убивает и с которых кожи сняв употребляют в платье, а хвосты, за чесную вещь у себя имеют, которыми и дарятся... а мясо едят и таким способом очень много орлов добывают, и из оных кормленных орлов, которые всегда кличат, тот и за лутчего почитается, и между собою ходят в продажу по бобру и по два» (л. 24).

Известно, что Г. В. Стеллер в Сибири и на Дальнем Востоке проявлял большой интерес к народной медицине. Он даже посвятил ей специальную работу²³. Поэтому и Осипу Аргунову он поручал собирать аналогичные сведения у курилов-айнов. Аргунов исполнил это поручение. В его сочинении описаны способы приготовления из целебных трав лекарств, и болезни, при которых они применяются, и методы лечения. Так, используется, например, трава хабаники. Выкапывают ее корень осенью, в сентябре. Сушат, затем толкут и полученное настаивают на теплой воде. Лечат тех, кто не может ходить, кто имеет «резь в животе», кто «калится кровью», у кого желтеют глаза или чернеют губы (л. 19). Целебными курилы-айны считали также «камышиную траву кулуха» и «чирпуй траву», листья которой крошат и едят. Траву «кутаж» применяли при переломах костей: сломанные их части привязывали к доскам и «поджаривали» на огне вместе с этой травой. Пускать кровь не имели обыкновения, но нарывы «прокалывали острым камнем наподобие lanceta сделанным». Для борьбы с вшивостью использовали «чирпуй траву», корни которой выкапывали летом, высушивали, затем смешивали с водой и этим обмазывались. «Сыдеда трава» была вроде ительменского «тоншича», т. е., по определению С. П. Крашенинникова, «мятой травы, пеньке подобной» (с. 581). Использовалась она в качестве благовония юношами и девушками.

Аргунов обратил внимание, что айны «в худой скорбе» (при серьезном заболевании) избегали прямых контактов с больными — не лежали вместе на лежанке, не пользовались одной одеждой, не ели из одной посуды. Инстинктивно они понимали, что такие контакты опасны.

Большое внимание Осип Аргунов уделил семейным отношениям.

«Курила,— писал он,— имеют по две, по три, по четыре жены и в женитбе свойства мало почитают, пасынок на мачехи, вотчим на пачерице и деверь на невестке женятся. И при женитбе никакого калыма не бывает и кто вздумает жениться, то начинает у тестя работать и хвастать — так, как в обыкновении камчадалов есть» (л. 24 об.— 25). При свадьбах «никаких церемоний не бывает, также и распряжения [разво-

²² *Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt, 1774. S. 94.*

²³ Недавно опубликована. См. *Лукина Т. А. Г. В. Стеллер о народной медицине Сибири (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.)//Страны и народы Востока. Вып. XXIV. 1982 С. 127—148.*

ды], ежели мужу жена не поправится, то ее покидаст, также и жены покидают. Есть много таких, что держат наложниц из холопей своих. Знаки девства при брачном сочетании не исчисляются.

Спанье мужа с женой, чревоношение и родины, плодovitость, обрезание пупа, совокупление после родин с мужьями, давание имен и приметы обою полу, грудное кормление, питание детей сперва кроме материнской груди, приключаются болезни, глущайшая старость, поступки з больными, плач над умершими и их погребение и помины годовые, поставление жилищ, говорят, что во всем одинакое на Лопатке з живущими [на островах] курилами» (л. 25).

Некоторые вопросы Аргунову выяснить не удалось. Так он отмечал:

«Имен различным богам и дивалам, почтение идолов, праздничных дней и при чтении душ умерших и дивалам, о шаманских похоронах и почтении их смерти ничего не сказываю. Ша[ма]нство перед промыслом и при больных много бывает. Токмо онаго видеть не случалось» (л. 25).

Но Аргунов писал:

курильцы проявляют «почтение горам, рекам, утисам, сопкам, наипаче горелым [вулканам]. На пристанях и на море наставляють стружку и стрелы выстреливають, также когда случится куда грести в байдаре, то обычють вокруг байдары на носу и по бокам довольное число стружков» (л. 26).

Этот культ инау, о котором сообщал и С. П. Крашенинников (с. 738), характерен именно для айнов. Но вместе с тем Аргунов отмечал, что ближние курильцы подобно ительменам считали, что все — небо, землю, море и твердь — создал кутухта.

Курильцы, по сведениям Аргунова, верили, что в вулканах живут особые касатки:

«улова китов в море, [они] уносят в онье сопки и топят костью и жиром китовым, отчего де дым и огонь виден бывает» (л. 19).

Небесные явления курильцы тоже толкуют по-своему.

«Солнечное и лунное затмение, когда им усмотреть случится,— сообщал Аргунов,— то рассуждают: в том жилище, где усмотрят, дутчий мужик [тойон] умрет или байдара с людьми потонет или какое ни есть нещастие случится» (л. 18 об.).

Аргунов заметил, что у курильцев существует множество табу. Вот некоторые из них:

«Живучи на промысле пожей не точат, огня в соседи не дают, раковиную из моря воды не чернают, до окончания промысла никому ничего не дают, и иных тому подобных очень много, о которых я подлинно выспросить не мог. За который грех, что действие бывает, того ничего не сказывают» (л. 25).

Останавливается Аргунов и на развлечениях.

«Забавы как у мужиков, так и у женщин,— писал он,— только в сказывании хаюшек и в пении песен. Также сказывают повести из старины по-своему и почти в тех забавах провождают зиму, а иной игры никакой не имеют. Только ныне молодые ребята, которые у русских обучились игрою в карты и переигрывают между собою стрелы, ножки и табак» (л. 24).

Обратил внимание Аргунов и на воспитание детей у айнов.

«Дети,— сообщал он,— отцов до возраста боятся... Отцы детей измлада обучают промышлять и работать всякую домовую работу, а за ослушание и наказывают: бьют чем попало». Но очень скоро — «по возрасту» дети «как отцов, так и старших своих не слушаются» (л. 21).

Весьма любопытны сведения Осипа Аргунова о своеобразных «судебных расправах» у курильцев-айнов:

«За убийство ежели кто кого убьет, то умершего родники приходят с лутчими мужиками к юрте онаго убойца и отпущают веревку с петлей в юрту и говорят лутчие мужики, чтоб он за свою вину наложил петлю на шею, то опой убоец не препятствует понеже он всеми присужден бывает и когда наложит петлю на шею, то его тут и задают или вытаща на юрту заколют или палкою ушибут до смерти тем же образом каким он случаем умервил. А ежели кто кого утопит или нарочно столкнет с утесу, то онаго убойца такую же смертию умервшлиют, а ежели где случается двум быть и один из них убьет хоша [хоть и] не нарочно, то другога тако ж убивают, понеже он не может оправдаться без свидетелей, а много случается и того, ежели родники и лутчие мужики онаго убойца сожалеют, то вместо его из родников само охотно на смерть выходят, только чтоб он равен был летами и удовольствием того убитого, а по смерти весьма того похваляют, что он за родника само охотно смерть принял. И ежели онаго убитого останутся жена или дети, то ему приказывают все, чтоб он либо женился на ево жене или б понл и кормил и платьем наделял якоб присных своих, разсуждая то, что его смерть его смертию заменена...» (л. 17 об.).

Останавливается Аргунов также на взаимоотношениях жителей.

«Клятвы²⁴ и присяги не знают, контрактов о долгах никаких не пмсют, свидетелей не требуют и рукописных знамен между собою не знают только кроме писем, которые ныне дают в долгах русским людям, и в трех прикладывают знамена, а ежели между собою кто кого задолжит, то по исправе своей без препятствия отдают, а прежде сего долгов у них и не почиталось, понеже и то кого, чем подарит, то при случае равным образом отдаривает, а ежели одному из них случится отитти в даль или умрет, то другой, которой дарил его, чем остатков его у детей или у родников отдарков и не требует» (л. 18 и об.).

«...За воровство ежели прямо обличат вора, то пришед к нему в юрту, что у него есть пожитка — завод, посуду и платье — без остатку обирают, а ежели женка сворует, то также обирают — не оставят мужа ее — и луки, и стрелы, и все, что есть, а ежели вора не признают и тому будет досадно, у которого покрадут, то он просит шамана или шаманку, чтоб оному вору отместила, чем, то шаман или шаманка шаманит немного, взяв пад жилой китовой, сивучей или нерпичьей нашептав, оную жилу бросает в огонь и как станет корчить на огне оную жилу, то так же де в то время у онаго вора сволочет жилы ручные или ножные, хотя он где не был, то ему за то и наказание» (л. 17 об.— 18).

К деятельности шаманов Осип Аргунов относился критически:

«в шаманстве гадают предбудущее, а больше что лжат» (л. 21).

Несмотря на то, что контакты русских и курилов-айнов начались сравнительно поздно, влияние их на культуру последних ощущалось уже к 1741 г. Так, русские научили местных жителей пользоваться мылом. Аргунов пишет:

«Мыться и купаться обыкновения не знали, а ныне мужики и бабы моются, только купаться не знают» (л. 23).

Под влиянием русских местная молодежь даже стала бриться. Замечу, что в популярной литературе и в живописи принято русских землепроходцев изображать неизменно бородатыми. Между тем в XVII в. большинство русских, осваивавших Дальний Восток, старались бриться. Ношение бороды, особенно в условиях севера, уже тогда признавалось неудобным.

Было и негативное влияние русских. От них айнская молодежь узнала азартную картежную игру. Русские способствовали распространению

²⁴ В другом случае Аргунов сообщал: «Божбы и клятвы не знают, только говорят „июча“, то есть „право“ [правда] и в том слове между собою очень верят» (л. 21 об.).

среди айнов табака. Но с курением островные айны познакомились еще до прихода русских на Дальний Восток и даже до появления у берегов южных Курил голландской экспедиции де-Фриса в 1643 г. Известно, что некоторые айны в 1643 г. просили у голландцев «тамбако»²⁵. Это позволяет предположить, что айны раньше встречались с какими-то испанцами или португальцами.

Пьянство у айнов не получило распространения, что и не преминул отметить Аргунов (л. 22).

Издавна у северных айнов традиционной одеждой был халат (*азям*). С установлением тесных отношений с русскими айны стали приобретать русскую одежду, причем не различая мужскую и женскую, поскольку у самих айнов в одежде такие различия не существовали.

При русских произошли известные перемены в самоуправлении северокурильских айнов.

«Курила,— писал Аргунов.— начальных людей называют „стопыар-кур“, которые у них как истари, так и ныне имеются, но нынче опые определяются от русских тойонов, и прежде сего кто старее и смышленее, того и слушали во всем его родники, то и за почтение имели, а иного особливого почтения никакого у них не бывает» (л. 17).

Удивляло Аргунова и то, что у северных айнов

«разделение родов... не бывало и ныне не имеют» (там же).

Таким образом, Осип Аргунов оказался весьма способным учеником С. П. Крашенинникова. Он составил сочинение, поражающе обилием самых разнообразных сведений о «северных курилах». Эти сведения значительно расширяют представления исследователей о былой культуре народа, судьба которого, как известно, оказалась трагической: в конце 1870-х годов потомки айнов были насильно переселены японскими властями на о-в Шикотан, где их фактически обрекли на вымирание.

Теперь возникает вопрос: был ли знаком С. П. Крашенинников с рассматриваемым сочинением Осипа Аргунова, когда он писал свое бесмертное «Описание земли Камчатки»? Известно, что Г. Ф. Миллер предложил Крашенинникову включить в него материалы, остававшиеся после смерти Г. В. Стеллера. Среди них было и сочинение Осипа Аргунова. Некоторые материалы С. П. Крашенинников, видимо, использовал. Так, на с. 469 дано описание церемонии встречи жителей разных островов:

«Приятное сказывают позорище, когда бывает между живущими по разным островам свидание. Приезжие с байдар своих, а жители из юрт с великими обрядами сходятся. Обе стороны бывают одеты в военное платье и с оружием, махая саблями и копьями, натягивают друг против друга луки, так как бы быть сущему сражению, а при том все пляшут. Соединившись вместе, оказывают всякие знаки радости: обнимают, лобызают и плачут от радости. После этого приводят гостей в свои жилища, сажают их, подчивают предстая и слушая вестей о их приключениях, случившихся в разлучении. Должность рассказывать никому не поручается кроме старшего. Он как оратор объявляет о всех мелочах, как промышляли, как жили, куда ходили, что видели, с кем учинилось счастье и несчастье, кто немог или умер и от какой причины; иногда более трех часов продолжает речь свою, то из тутошних жителей старшей подобным образом сказывает про свое житье и промыслы, и прежде того никому друг с другом говорить вельзя. После того или сетуют, или веселятся, по вестям смотря, а наконец, торжествуют по своим обычаям, едят, пляшут, поют и сказывают скаски».

Нетрудно заметить, что это в основном пересказ (к сожалению, весьма неточный) сообщения О. Аргунова, который так описывал всю эту церемонию:

²⁵ См. *Leupe P. A. (ed) Reize van Maarten Gerritsz (oon) Vries in 1643 naar het noordenen oosten van Japan, Volgens het journal gehonden door C. J. Coen op het schip Castricum. Amsterdam. 1858. Blz. 128.*

«Тойоны и все молодые ребята наряжались в хорошее платье, которое покупают у русских у кого что есть, да взяли по копыю, а иные подпоясали на себе портупей с японскими шпагами, а пные с луками, а, сверх того с одной стрелою, и увидев их (приезжих с других островов.— Б. П.) пошли на два подобно идущим на батах, а в матке стали рядом все, которые постарше, а идущие иноземцы так ж разделився на два крыла подходили тихо, но токмо как на месте стоящие, так и идущие безпрестанно скакали и вертелись на все стороны и кричали „Огугогой“, и когда они близ подошли, то стоящие отбежали в круг и облавили со всех сторон и зажав их вместе смешались и так страшно видеть было тогда друг на друга нападали с копьями и с шпагами, также и с натянутыми лук[ами] и замахивались так, что могли мпновать поколоть друг друга шею, руки или ноги, так тесно и скоро, что у многих копей на ратовьях обвитые веревки изрезали, которой церемонии было у них с 1/4 часа. Потом молодые ребята отступили, а старики по одиначке друг друга держа за копыя разговаривали и когда один говорит, то другой только побряхтывает, а по окончании первого начинает другой столько же говорить и потом расходятся и смотрит того, которой окончил свои речи, то с ним зачинает говорить и таким образом один мужик из курильцов со всеми с пришлыми, также один и из пришлых со всеми один по одному переговаривают и онаго разговору было часа с полтора, а между тем разговорами сходились бабы и девки и сошедшись сели и обнимались по одиначке лежа на карачках и обняв друг друга плакали, потом сидели и разговаривали и ежели случится быть многлюдно, как пришлых, так и на месте живущих, то житье разговору и через целый день. Ежели людно случится сидеть, где и какие разговоры иметь, то ежели один говорит, другие все молчат и между разговорами какое слово похвалы достойно покажется, тогда все съгакают и по окончании одн[их] речей другой начинает говорить, потом и все по одному речи свои оканчивают, особливо случалось видеть на Втором острове по прибытии нашем: послал онаго острова тойон от жилья своего одного человека до Первого острова. Тойон, который с нами пришел одного ж человека для призыву к ясачному платежу и разговора с дальних островов пришлым иноземцам, которые от того места верстах в 5 своими барабарами жили и при послании тех двух человек каждой тойон приказывали очень долго какие слова им говорить и их звать и притом объявляя себя здоровым також и русских людей, чтоб они без всякой опасности шли, то оные посланники на другой день пришел каждой своему тойону рапортовал очень долго, причем объявлял ему как он к ним пришел и приказанные речи все сказал и их звал, то они також велели сказать о своем здоровии и о жизни и в кое время к ним притти и отренортовав каждой от своего отходит, а когда репортует, то никто ничего не говорит...» (л. 22).

Еще один пример использования С. П. Крашенинниковым сведений Осипа Аргунова.

«Буде кто у них,— пишет С. П. Крашенинников о курлах (с. 469—470),— приличится в прелюбодеянии, то бывает странной поединок, на котором бьются они палкою, а вызывает на оной прелюбодеец мужа прелюбодейщицы: раздеваются оба до нага, и разят друг друга по спине. Которой вызывает, тот сперва три раза от вызванного должен вытерпеть, а потом берет у него палку и бьет равным образом и так переменяются до трех раз. Сие побоище много у них веку уносит: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бывает толщиной в руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединок такое же бесчестие, как у некоторых европейских народов. Ежели же кто предпочтет свое здоровье, и отречется от бою, тот должен заплатить мужу прелюбодейцы такое бесчестие, какого он потребует, зверьми, платьем, кормом и другими вещами».

Здесь Крашенинников несколько вольно пересказал следующее сообщение Аргунова:

«Суд и розправа у них оными начальными людьми: за насилье блудное брали за бесчестие по десять бобров, до онаго блудника при всех бивали палкою, нарочно на то устроеною, по тех пор пока кто сам хотел, у которого дочь или жена изнасильничена, а потом уступает им женою или дочерью, а ежели мужняя жена с кем из воли убуддиться, то оной блудник и муж жены тоя при всех же людях бьются той же палкою, уговорясь до скольких разов по спине и по бокам, и ежели оной блудник вытерпит те помянутые удары, то не платят бесчестия, а ежели не вытерпит— платят по десяти ж бобров, также уступает ему женою. И из того можно знать, что жены у мужей очень

В главе 22 «О курильском народе» С. П. Крашенинникова некоторые сведения, в том числе и его суждение о курилах Шумшу, вызвавшее упоминавшуюся дискуссию: «были ли курилы Южной Камчатки айнами?», также основываются на сообщениях Осипа Аргунова. Правда, ранее, в 1738—1739 гг., на северные Курильские острова С. П. Крашенинников посылал еще одного из своих учеников — солдата Степана Плишкина, который интересовался образом жизни курил и оставил сочинение «о их вере и обычаях». Он смог первым доставить С. П. Крашенинникову известия и «об островах дальних курильских, сколь они велики, какие на них места, гористые или ровные, жилые или пустые и проч.» (см. Крашенинников, с. 576). Однако сопоставление двух сочинений показывает, что С. П. Крашенинников явно отдал предпочтение сведениям Осипа Аргунова, которые, к сожалению, использовал недостаточно точно.

Итак, «Описание» Осипа Аргунова представляет большую ценность для исследователей различных специальностей, особенно для этнографов и лингвистов. Можно только пожалеть о том, что этот важный историко-этнографический источник до сих пор не был введен в научный оборот.